

Подростки ищут своё место

«СБ»: Фрики, моды, фурри, эмо... Молодежные движения меняются, а отношение к ним?

Ю.Загуменнов: Перед вами бывший битник с длинными волосами, который в 70-е был участником рок-группы и заработал первые деньги, играя на танцах в парке Челоскинцев. Ну а теперь — заведующий кафедрой педагогики и психологии и представитель международного бюро просвещения ЮНЕСКО в странах СНГ. И я считаю, что субкультура — это позитивное явление. Это основа для творчества, для технического развития. Чем больше разнообразия, тем богаче страна — это концепция ЮНЕСКО о культурном многообразии, с которой и Беларусь согласна. Хотя меня встревожил один факт. Пару месяцев назад принимал у учителей квалификационный экзамен, который они сдают на высшую категорию. Попался как раз билет «субкультуры». И я услышал ответ, от которого у меня дыбом встали волосы. Что субкультура — это плохо, что их нужно выжигать каленым железом, что есть только одна субкультура правильная, все остальные — неправильные.

«СБ»: Какая правильная?

Ю.Загуменнов: Правильная, дескать, связанная с деятельностью общественных организаций. Но даже в БРСМ, я уверен, ребята увлекаются и рэпом, и роком, и панком и т.д. Вы там увидите весь букет. Но учителя приходят в школу и видят: не дай бог покрашена одна пряжка не так, значит, надо вызывать родителей, значит, что-то в семье... У меня нормально было все в семье. Совершенно нормально. Таким образом я и мои сверстники самовыражались. Вспомните фильмы «Меня зовут Арлекино» или «Стиляги» и т.д., где битников ловили, стригли им волосы...

А.Смолик: Каленое железо к субкультурам неприемлемо. Мы делаем серьезную ошибку, которую допускали в далекие советские времена, когда субкультура на Западе уже давно развивалась в виде, скажем, хиппи, а в Союзе идеологи считали это негативным явлением, сугубо враждебным советскому укладу жизни. Более того, субкультуры существовали не только в XX столетии, но еще начиная с Римской империи! Если взять Средневековье, то была субкультура рыцарей, сельчан, бюргеров. Это не негативное явление, а закономерное и позитивное, и с ним бороться не нужно. Мы все разные. И национальная доминирующая культура не может в своих границах объединить всех и удовлетворить абсолютно все интересы. У каждого свой взгляд на мир. Действительно, некоторые из субкультур несут деструктивный, разрушительный характер: анархо-синдикалисты, скинхеды, неофашисты... В период глобализма обостряется проблема культурной идентичности, антиглобализма...

Б.Закаблукковский: Одно из направлений субкультуры — контркультура, где ценности явно противостоят общепринятым. Гопники, сатанисты, скинхеды — это все направления контркультуры. В зависимости от идеологии субкультур они могут приносить подростку пользу или вред. Возьмем готов: если человек перестает ценить

битники, стилияги, байкеры... Никто и ни в какой стране мира специально не создавал и не внедрял в жизнь феномен молодежных субкультур. Его появление было шоком, полной неожиданностью для всех в начале 1950-х. Ведь одновременно пришел новый сленг, технологии, стили и нарочито вызывающее неконформистское поведение. Воздарились невиданная ранее свобода нравов и новая музыка — твист, поп и рок. Теперь молодежь стала бежать в субкультуры, а не впитывать массовую культуру, навязываемую обществом. Не всегда многочисленные и не обязательно социально активные представители нарождавшихся неформальных течений мешали всем и вся, мозолили глаза, сопротивляясь в разных странах давлению официальных структур. Тем не менее в итоге

получилось так, что от факта их присутствия никуда не деться и с ними приходится считаться. О том, как работать с «неформальными» тусовками, в конференц-зале «СБ» рассуждали профессор кафедры культурологии БГУКИ Александр СМОЛИК, начальник ИДН Партизанского РУВД Минска Аркадий ХАРИТОНЕНКОВ, психолог Минского клинического детского психоневрологического диспансера Анна СИМОНЕНКО, старший преподаватель кафедры философии и гуманитарных проблем обучения и воспитания МГИРО Борис ЗАКАБЛУКОВСКИЙ, заведующий кафедрой педагогики и психологии МГИРО Юрий ЗАГУМЕННОВ, социальный педагог СШ № 208 Минска Алла СИНЮК и ученики — Арсений СЕМОЧКИН и Руслана ГУСЕЙНОВА.

Анна СИМОНЕНКО.

Алла СИНЮК.

Руслана ГУСЕЙНОВА.

Александр СМОЛИК.

Аркадий ХАРИТОНЕНКОВ, Борис ЗАКАБЛУКОВСКИЙ.

Юрий ЗАГУМЕННОВ, Арсений СЕМОЧКИН.

идиуду. Тут тоже общественного вреда, хулиганских выходов нет, тем не менее это наносит удар по человеческой психике.

А.Симоненко: Я бы не стала говорить, что группа сама по себе наносит вред. Она может как помочь, так и навредить в этой ситуации. Потому что сам факт попадания ребенка в ту или иную субкультуру говорит о том, что что-то глубоко внутри достаточно сильно резонирует у него с тем настроением, которое есть в этой компании единомышленников. Если ребенок подавлен, то скорее всего, он попадет в группу, где есть депрессивный настрой. И это может быть спасательным кругом, потому что здесь он найдет поддержку, которой не удалось найти в жизни. И в то же время может сыграть отрицательную роль, способствовать деструктивному поведению. Много зависит от личности лидера и вообще от особенностей самой группы.

«СБ»: У готов смысл жизни — сама готика как угол восприятия жизни, а вообще не культ смерти. Готика — явление эстетическое, а мрачные образы — не более чем эпатаж. Глупо искать смысл жизни в смерти — это там нет. Смерть — это напоминание, повод стремиться к жизни.

Ю.Загуменнов: В любом явлении есть и добро, и зло. Как говорят, математику можно выучить, чтобы считать звезды на небе или считать деньги в чужом кармане. Атом может быть мирным, может быть разрушительным. И важно здесь даже не столько управлять этими ребятами, сколько помочь им направить энергию на самоидентификацию, самоопределение и самоутверждение, чтобы они развивались и приносили добро другим и тем самым формировали их авторитет. Поэтому я бы отталкивался от того, что

А.Синюк: 13-летнего подростка еще можно направить в то или иное русло. Если он решил, что будет растаманом, заплетет дреды, свяжет красно-желто-зеленую шапочку и будет слушать регги — хорошо, но надо смотреть, чтобы не пошла в ход марихуана. Панк-рок? Тоже неплохо, но они же не играют на своей гитаре без пива. У нас есть мальчишка, который чудесно играет, чудесно поет. Но... только с пивом.

Ю.Загуменнов: Я хорошо знаком с тусовками панк-рока. И далеко не все пьют пиво. Некоторые — категорически не пьют. Об этом и в своих песнях поют. Есть даже панки-вегетарианцы.

А.Симоненко: Алкоголизация свойственна очень многим подростковым компаниям. Совсем не обязательно, что у ребенка была изначальная склонность или же что у него формируется зависимость. Он может употреблять алкоголь-тип, только в коллективе, подкрепляя групповые стандарты и ритуалы, да и «в компании круче». Есть подростки, которые употребляют алкоголь или наркотики только в группе. Срабатывает механизм отождествления с «мы»: «Когда я с кем-то — это круто, интересно, весело! Я — такой же, как они!» А когда подросток остается один на один с собой, то и выпивать не хочется, да и «не такой уж я эмо» и вообще в душе другой.

«СБ»: Почему подростки уходят в различные неформальные движения? В чем причины и смысл образования новых субкультур?

А.Симоненко: Ребенок в подростковом возрасте хочет отделиться от взрослой культуры, заявить о себе, мол, «я такой — есть!». Об этом любая субкультура говорит: «Иди к нам, мы тебя выделим». И молодежная культура всегда будет обладать своей символикой, сущностью, смыслом, одеждой. Это абсолютно нормально. Даже показатель какой-то зрелости. Следующий этап — индивидуализация, когда подросток будет отделяться от этой культуры, искать себя в прямом смысле слова.

Б.Закаблукковский: Считается ошибкой реализовывать свою индивидуальность в какой-то неформальной группе. Человек стирает свою индивидуальность, когда начинает подчиняться тем законам, которые приняты в той или иной субкультуре — скинхедов, гопников и т.д.

А.Симоненко: Это опять-таки абсолютно нормальный этап развития ребенка: он должен ощутить на себе принадлежность к какой-то группе. С одной сторо-

ны, он хочет быть «я — не как все», с другой — быть в команде.

Б.Закаблукковский: Зачастую потому, что он не принят в формальной группе, в классном коллективе, кружке, секции, общественной организации.

А.Симоненко: Да. Чаще всего это дети, которые каким-то образом выпадают из классного коллектива. Потому что класс — по сути, это точно такая же группа, там есть такой же лидер, антилидер.

А.Синюк: Подростки в школе примыкают именно к той группе, где их понимают. У нас была девочка, которая три года ассоциировала себя с эмо. И рваная челка до кончика носа, закрывающая один глаз, короткие волосы, торчащие в разные стороны, яркие заколочки, ногти с черным лаком — весь ее внешний вид и состояние души всегда, как у эмо. Хотя до этого была совершенно обычной школьницей, хорошо училась. Мы, конечно, беспокоились, пытались с ней поговорить по душам, узнать ее внутренний мир. Она объясняла, что ее никто не понимает — ни родители, ни одноклассники. А вот в группе таких же эмо она с удовольствием общается, пишет стихи, они ее принимают... Но к 11-му классу ее настроение поменялось, и она решила, что просто будет неформальным подростком. А стихи продолжает писать, как эмо.

Б.Закаблукковский: Очень часто ребенок оказывается в неформальной группе по причине того, что у него не сформировалась система духовных и нравственных ценностей. Идет их поиск. Это основа всего. Самое главное.

А.Смолик: Субкультура помогает человеку выбрать те ценности, которые есть в доминирующей культуре. И подростки примеряют, насколько они подходят им. Выбирают то, что ближе на данный момент. Надо лишь стремиться к тому, чтобы эти ценности не перерастали в противоправные поступки.

«СБ»: А в субкультуре гопников, скинхедов можно найти хорошие ценности?

А.Смолик: Их можно по-разному понимать. Например, свобода — одна из больших социальных ценностей. Она дорога всем. Но ее можно выражать по-разному. Анархо-синдикалисты проявляют ее так: «Что хочу, то и делаю. Вот моя свобода. Я захотел устроить драку, скандал, оскорбить кого-то — это моя свобода».

А.Харитоненков: Каждый ребенок думает, что, войдя в какую-либо субкультуру, он станет свободным. Они все говорят: мы независимы, мы ушли из-под вашего контроля... А когда мы начинаем им детально расписывать,

жизнь и в качестве высшей ценности выставляет смерть, то общественного вреда тут нет, но для личного душевного состояния определенно это не во благо. Или же эмо, для которых главное — свободное выражение эмоций. Но ведь чаще всего это отрицательные чувства, т.е. они загоняют себя в состояние уныния, депрессии, и, как следствие, это становится мотивом к су-

субкультуры — это здорово.

что, мол, у вас тоже есть лидер, который вам названивает, назначает место встречи, говорит, что, если ты не пойдешь на драку, мы тебя отвергаем, ты не фанат, ты превращаешься из волка в зайца, и мы уже тебя будем гонять, — у них открываются глаза. Оказывается, что и здесь ими управляет кто-то, все равно ты несвободен. И начинают задумываться, что антифа — это тоже плохо.

А.Симоненко: Кстати, на групповых психотерапевтических занятиях очень важно определить лидера. Если у психолога с ним не складываются отношения, то вся работа с группой в принципе обречена.

А.Синюк: В работе классного руководителя — то же самое.

Б.Закаблукровский: И причина ухода подростков в субкультуру кроется в том, что мы не можем организовывать нормальную работу с детским коллективом.

А.Симоненко: Тут я полностью согласна.

Б.Закаблукровский: А в неформальной группе есть самоорганизация — то, чего нет в общественных организациях.

А.Синюк: Самое главное — надо выявлять и социализировать таких детей как можно раньше, научиться слышать их. Знать, кто к какой группе относится, кто чем дышит, у кого какие настроения, идеи. Почему они идут в ту или иную субкультуру? «Там нас понимают, слышат, помогают, там мы вместе, компания, общие интересы, там мы нужны». Сегодня им хочется свободы, независимости, научиться себя реализовывать. Мы пошли на эксперимент: открыли в школе клуб для подростков, причисляющих себя к молодежным субкультурам «Тусовка. Бай».

«СБ»: Какие у вас представлены направления?

Арсений Семочкин: Я вот лично рэппер. Выражаю свои мысли через песни. Уже много раз выступал перед большими аудиториями, где было много разных людей. Одна из моих лучших песен, по мнению педагогов, — «Люди, задумайтесь». С ее помощью я пытаюсь сказать, что, если люди не будут задумываться над своими поступками, мир начнет разрушаться. Не будет дружбы между народами, государствами. Папа с мамой меня поддерживают, даже пытаются куда-то продвинуть. У папы знакомый — самый лучший рэппер в Беларуси, я у него записываю свои песни.

Б.Закаблукровский: А где ваша группа собирается, где вы тусуетесь?

Арсений Семочкин: Нам в школе выделили кабинет. Там есть уголок рэпперов (нас трое), эмо, панки. С некоторыми я играю в футбол и общаюсь очень хорошо, у нас уже налаживаются такие контакты, что мы переходим из друзей в лучшие друзья. Может, это покажется странным, но мы считаем себя братьями по субкультуре.

Руслана Гусейнова: А я просто неформалка. Не отношу себя ни к какой определенной субкультуре, но беру из каждой что-то для себя, что мне больше подходит, нравится. Допустим, эмо. Обычно думают, что это люди с психическими проблемами, суицидные, такие-сякие. Нет. Мне нравится, что они пишут очень красивые стихи. Все чувства, эмоции, порыв гнева, злости — все это переходит в стихи и порой получается очень даже красиво.

А.Синюк: К нам уже из четырех соседних школ стали приходить ребята... Раньше они собирались в подъездах, а теперь для них школа действительно — социально-культурный центр.

А.Смолик: Вы говорили о социализации. Есть еще механизм «инкультурации», т.е. воздействовать через культуру. И в частности, через их культуру. Рэп — это хорошее средство выявления эстетических ценностей. Толкиенисты — через литературу. Со скинхедами и анархо-синдикалистами нужно дискутировать и переубеждать. Причем должны это делать профессиональные идеологи.

Б.Закаблукровский: С сатанистами тоже?

А.Смолик: В общении с ними должны быть заинтересованы представители

религии. Это их задача — убедить, чтобы они не мазали церкви, не жгли, не уничтожали на кладбищах памятники. Запретами здесь дело не решить. Нужны дискуссия, общение, аргументированные точки зрения, примеры для сравнения.

«СБ»: Если ребенок вдруг покрасил пряди в красный, синий цвет, побелил лицо и стал одеваться во все черное, родители должны бить тревогу?

А.Синюк: Обратит внимание должны.

А.Симоненко: А это сложно заметить даже родителям. Сам ребенок часто не может обратить внимание на свой дискомфорт. Но если у него есть внутренний конфликт, он как-то все же будет проявлять его вовне.

Б.Закаблукровский: Достаточно много молодых людей, которые красят себе челки, называют себя эмо, хотя только челка им и нравится. Это просто позы, которые не вникают в смысл, идеологию субкультуры, но придерживаются ее стиля. Им нравится эпатажно выглядеть — и все.

А.Харитonenков: Гопники вообще своим имиджем фактически никак не выделяются. Но они выделяются своим поведением. Они знают, что, если они не будут никого бить, они перестанут быть гопниками. И перейдут плавно в какую-нибудь другую субкультуру.

«СБ»: Может, все — от избытка свободного времени, нереализованной энергии? Может, кому-то возможность заработать деньги добавила бы чувства свободы и солидности в глазах сверстников? Есть она?

А.Харитonenков: Трудоустроить ребенка в нашем районе — это вообще не проблема. Да хотя бы на мойку машин — берут, не отказывают. Кто заинтересован — тот будет работать. А кто сам не заинтересован, не знает, кто он такой, гоп или фанат, не знает, хочет ли работать или лежать на диване, вот это страшно — неопределенность. Если юноша увлекается рэпом, он уже нашел свое. Хуже, когда человек еще мечется. Из одной субкультуры в другую. Главное, помочь ребенку определиться. Родители должны помочь.

А.Симоненко: Те, кто хочет работать, — находят эту возможность, у них совершенно другая мотивация. А выбор субкультуры — это скорее отражение душевного состояния ребенка. Всегда есть потребность, которую он здесь удовлетворяет. Пусть даже эта потребность нездоровая... Скажем, выразить свою агрессию, которая накапливается и не имеет выхода. И подросток ищет способ разрядки, как снять напряжение. Или просто возможность отключиться от внешнего мира и заниматься чем-то, что с ним не связано. Тогда нужно налаживать ту жизнь, которая у него не получается во внешнем мире.

А.Харитonenков: У нас выросло такое поколение родителей, которые просто включают детям телевизор или разрешают им самим искать развлечения в интернете. А сами понимают: если чашка пуста, любая субстанция ее наполнит.

А.Синюк: К сожалению, сегодня воспитательную функцию переложили на плечи школы. Если родители не занимаются детьми, заняты на работе, значит, должны заниматься педагоги.

«СБ»: Есть ли зависимость между преступлениями среди несовершеннолетних и их принадлежностью к тем или иным субкультурам?

А.Смолик: Не надо мешать противоправное поведение и субкультуру. Это разные вещи. Если кто-то ведет себя по-хулигански, нельзя списывать все на субкультуру. Человек может быть вообще одиночкой и способен на ужасные поступки.

А.Харитonenков: Я согласен, что во всех этих субкультурах нужно выделять лиц с девиантным поведением. И даже наши хулиганствующие футбольные фанаты, состоящие на учете или контроле, спокойно ходят на матч, поддерживают свою команду, иногда даже две противоборствующие группы собираются в каких-то барах, где идет трансляция игры. Но они не подерутся, если среди них нет заводилы. А те, кто ищет предлог, чтобы завязать драку, могут

относить себя к любой субкультуре, им нужен только повод, чтобы собрать вокруг себя людей и подраться. Они, может, и фанатами-то не являются, и даже не знают правил игры, но наденут сегодня синенький шарфик, завтра — красненький или той команды, которая оказалась сильнее, и будут себя вызывающе вести где-нибудь за территорией стадиона... Это извращение самого движения.

А.Синюк: У нас есть рэппер, который совершил три правонарушения, из них одно подпадает под уголовную ответственность, до которой он пока не дорос. Так вот, первый раз он пошел на преступление в тот день, когда с утра ему родители сказали, что разводятся. Второе он совершил ровненько в тот день, когда родители развелись, и его поставили перед фактом, что отец уезжает и он будет жить с мамой. То есть причина — не в его увлечении рэпом.

А.Симоненко: Каждая субкультура частично имеет какую-то негативную окраску. Кто-то проповедует культ черной магии, жертвоприношения, кто-то — шовинизм или расизм. Но если относительно зрелая личность и есть понимание границ дозволенного, подросток удержится в рамках, не перейдет черты, хотя частенько может быть близок к ней... А если он не чувствует этих границ, то тут уже не группа имеет значение, а личностная патологическая структура этого ребенка. Не важно, к кому он себя причисляет — к готам, панкам или ред-скинам...

А.Синюк: Смотрите, как стали использовать потенциал граффитчиков в благих целях! Раньше они расписывали административные здания и памятники архитектуры, а сегодня — заборы строгих площадок, детские площадки, электрощитовые, серые стены, за которыми мусорные контейнеры стоят. Коммунальные службы составили список объектов, которые готовы отдать уличным художникам под роспись. То есть дали возможность для творчества, но при этом четко обозначили рамки дозволенного.

А.Харитonenков: Хочу возразить. Одно дело — граффитчики, которые участвуют в конкурсах и рисуют красивые картины. Но есть и те, кто просто рисует свой тэг. И этот автограф у них — как способ выяснения отношений, соревнования: чье имя больше — тот и круче, кто сумеет «освоить» большую площадь. Один написал, другой перечеркнул или выше подписался. И они тоже относятся к граффитчикам.

А.Симоненко: Опять-таки мы возвращаемся к индивидуальным особенностям подростка: для одного ценно эстетическое направление, а для другого — демонстративность, почитаемость (кто больше нарисует, кто кого перепрыгнет).

А.Синюк: И к этой демонстративности не всегда готовы взрослые. Современная школа требует соблюдения делового стиля одежды. Учителя следуют этой норме. Дети неформальные оказываются вне ее: они не хотят ходить в галстук, рубашке, деловом костюме. Они другие — говорят на сленге. И нужно учить педагогов принимать их такими, какие они есть.

Ю.Загуменнов: Когда в школах задаете вопрос: «Есть ли у вас представители молодежных субкультур?» — отвечают: «Нет». «Как нет?» — «Вот был один, мы с ним поработали, он уже не субкультура». Все боится «неформальных» детей, их странного внешнего вида. Здесь нужно уметь видеть хорошее. У нас сегодня буквальное отношение к информации. Если говорят, что готы — это плохо, а эмо — это чуть-чуть плохо, то родители останавливаются на ступеньке: может, пусть он будет «чуть-чуть» плохо. А почему плохо? Нет времени разбираться. Не удивительно, что дети сегодня полезли в интернет. А какое там общение? Если бы был нормальный диалог между взрослыми и детьми, то мы бы субкультуры понимали буквально, как это написано в словаре: «Любая культура сопровождается субкультурой. Чем их больше, тем живее реальная культура».

Подготовила
Мария КУЧЕРОВА, «СБ».